

DOI: 10.12731/2218-7405-2015-8-7

УДК 32

**СТАНОВЛЕНИЕ ЦИВИЛИЗАЦИОННОЙ ПАРАДИГМЫ
В СОВРЕМЕННОЙ РОССИЙСКОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ НАУКЕ
В УСЛОВИЯХ КРИЗИСА ТРАНЗИТОЛОГИИ**

Жуковский Д.А.

В статье предлагается результат осмысления процесса становления цивилизационной парадигмы в политической науке в контексте парадигмальной конкуренции, в ходе которой транзитологическая теория уступила свои позиции цивилизационной по мере развития исторических событий в современном мире.

Ключевые слова: *цивилизационная парадигма; цивилизация; транзитология; модернизация; вестернизация; политическая наука.*

**EMERGENCE OF CIVILIZATIONAL PARADIGM IN PRESENT-DAY RUSSIAN
POLITICAL SCIENCE AND TRANSITOLOGY CRISIS**

Zhukovsky D.A.

The article studies the competition between paradigms in political science, the emergence of civilizational paradigm, and how transitological theory yielded its position to civilizational theory in the course of present-day historic events in the world.

Keywords: *civilizational paradigm; civilization; transitology; modernization; westernization; political science.*

Вновь, как не раз было в истории России, остро стоит вопрос о выборе пути России, и вновь звучат идеи и предлагаются концепции о ее «особом пути», несмотря на то, что вопрос о том, принадлежит наша страна к ареалу европейской цивилизации или представляет собой самостоятельную цивилизацию, еще активно обсуждается и порой очень ожесточенно, что вполне объяснимо, ведь речь, как пишет А. Бельчук, идет о выборе пути развития России [1].

Положение России между Европой и Азией изначально, с момента формирования цивилизационной парадигмы в России, стало основой презентации ее цивилизационной уникальности, производной от уникального сочетания в культурном пространстве российской цивилизации элементов двух, исторически противопоставляемых цивилизаций – Запада и Востока, что сегодня, как и в дореволюционные времена, выступает основанием для пророчества великого будущего России как цивилизации с великой миссией – стать центром цивилизационного притяжения и таким образом спасти мир от цивилизационного столкновения путем гармонизации отношений между восточными и западными культурами [2].

Цивилизационный фактор в качестве важнейшего в системе международных политических отношений признается и российской политической элитой, что нашло отражение в Концепции внешней политики Российской Федерации, в которой отмечается культурно-цивилизационное многообразие современного мира, что, в условиях преодоления биполярной конфронтации, приобрело сверх важное значение, в связи с чем перед Россией стоит важная задача – восстановить цивилизационный статус на международной арене, но прежде всего это необходимо самим россиянам, для того, чтобы избавиться от комплекса цивилизационной неполноценности, сформировавшегося в результате потери Россией статуса сверхдержавы и последовавшего за этим событием и искажения и где-то даже извращения истории. И все чаще ученые возвращаются к идее восстановления цивилизационных ценностей, в основе которых Традиция.

Сила Традиции как основа русской цивилизации рассматривается и современными российскими исследователями, которые, отталкиваясь от понятия цивилизации Н.Я. Данилевского [3], предлагают собственную цивилизационную концепцию [4]. Внутри любой цивилизации, как полагают Д. Володихин, С. Алексеев, К. Бенедиктов, Н. Иртенина, есть невидимое нематериальное ядро, названное ими для удобства сверхценностью – набор ключевых истин, которых придерживается социум и которые содержат в себе объяснение смысла жизни отдельного человека и целого народа; она не может быть углублена или дополнена, поскольку сверхценность неизменна и неизменяема, а цивилизация представляет собой набор форм, которые принимает социум в своем служении сверхценности. Большую роль в этом процессе служения играет сепрэтнос – сумма этносов, воспринявших примерно в одно время одну сверхценность и существующих в рамках одной цивилизации [5].

В современном мире распространена мозаичность суперэтноса, что осложняет цивилизационное строительство, но строительства мультиэтнических цивилизаций самым подходящим «политическим сосудом» является Империя, идеальными признаками которой являются: мультиэтническое государство с ярко выраженным иерархическим устройством, достаточно крупное

по территории и мощное в политическом, экономическом, военном и демографическом отношении, чтобы претендовать на ведущую роль в регионе, с развитой системой внутренних силовых структур, с центром, который вырабатывает доминирующую идеологию, устанавливает определенный социальный порядок в системе администрирования, обязательный и равный для всех провинций государства [6].

Традиция, в рамках данной концепции, представляет собой связь между нематериальной сверхценностью, «управляющей» цивилизацией, и вполне материальным социумом, т.е. Традиция отражает способность суперэтноса к осознанному самоограничению и целенаправленному действию в зависимости от характера сверхценности. Смерть цивилизации наступает в двух случаях: когда умирает сверхценность и когда умирает Традиция и социум перестает служить своей сверхценности. В первом случае от цивилизации остается этнографический материал (термин введен Н.Я. Данилевским), а во втором случае остается «маркированный» этнографический материал, который, при определенных обстоятельствах – при восстановлении старой и создании новой Традиции для служения старой сверхценности может вернуться в состояние цивилизации.

Традиция – необходимое условие существования цивилизации, в то время как традиции – это набор обычаев, норм, навыков, ценностей, т.е. аспекты цивилизации, менее значимы по сравнению с Традицией. Если от традиций можно отказаться ввиду необходимости инноваций, то от Традиции отказаться нельзя, как нельзя отказаться от мозга или от сердца и остаться при этом в живых, разве что превратиться в зомби, выполняющего чужую волю. У цивилизации-зомби нет Традиции и нет сверхценности, и она представляет, по сути, этнографический материал, имитирующий, порой очень правдоподобно, живую цивилизацию.

В качестве примера приводится японская культурно-историческая общность, которая, обладая массой традиций (японское искусство, самурайская слава, боевые единоборства, гейши т.д.), несколько десятилетий уже не имеет Традиции, поскольку современный японец служит собственной заработной плате, а высшие цели и планы бытия из жизни современного японца исчезли после удара, который Япония пережила в посткапитуляционный период во второй половине 40-х гг. [7].

Мы не склонны разделять мнения относительно того, что Японская цивилизация уже «мертвая» цивилизация, но это не означает, что представленная выше точка зрения не имеет права на существование, поскольку теоретически и концептуально аргументирована и, кстати, также на основе теории органицизма.

Итак, в рамках, данной теории отдельная цивилизация представляет собой самостоятельный организм, хотя и социальный, но, во многом, подобный биологическому, поскольку также, как и биологический организм цивилизация обладает возрастными особенностями (рождается, взрослеет, стареет, умирает), естественным сроком жизни (1000-1500 лет, как полагают многие из тех, кто разрабатывает теорию цивилизации). Кроме того, отдельная цивилизация – совершенно самостоятельный и независимый субъект истории без дифференциации на «отсталые», «обгоняющие», «лидирующие», так как цивилизации равны и самоценны, совершая свой, уникальный исторический путь из множества возможных путей, которыми идет человечество.

Следующее: каждая цивилизация представляет собой наивысший таксон, т.е. классификационную единицу исторического процесса, поскольку история человечества измеряется судьбами цивилизации как наиболее крупными единицами измерения всемирного исторического процесса, которые в интерпретации различных теоретиков цивилизационного подхода назывались по-разному (С. Хантингтон, к примеру, называл «наивысшие культурные целостности», понимая под цивилизацией самые большие «мы», внутри которых каждый чувствует себя уютно, как дома и отличает себя от других, остальных «них» [8]).

В данной концепции выделяются также нуклеары как надцивилизации, скрепляющие несколько цивилизаций во времени (к примеру, нуклеар, включающий несколько цивилизаций Междуречья). Пример такой надцивилизации, по мнению исследователей, в том числе и Данилевского, представляет Китай, который включает в себя ряд цивилизаций, начиная с 1 тысячелетия до н.э. вплоть до XX столетия как минимум [9]. Надцивилизации могут включать в себя ряд цивилизаций, существующих у едином историческом времени, но на разных территориях.

К примеру, если говорить о современности, то исследователи обращают внимание на рождение новой – протестантской цивилизации ввиду распространения и утверждения протестантизма в борьбе с католичеством в ряде стран Европы и преимущественно в США, но только после появления Традиции можно будет рассматривать эту цивилизацию как свершившийся исторический факт [10]. Важный вопрос, который поднимается исследователями в книге «Традиция и русская цивилизация» и на который не все «цивилизационщики» пытаются дать ответ, это вопрос о причинах появления цивилизаций, цели их рождения и существования, но ответ на него дается вне рамок научного понимания цивилизационного процесса и из всех имеющихся точек зрения наиболее приближенной к реальности признается концепция Гумилева о пассионарных излучениях, т.е. космическая, внеземная версия происхождения этносов и последующих цивилизаций, в то время как авторская версия связана с христианством: появление цивилизаций, их судьба, гибель, смысл бытия приобретают провиденциальную окраску и все

это – земная, материальная реализация Промысла Божия, поскольку только волей Господней может быть «запущена» та или иная цивилизация [11].

Работы Н.Я. Данилевского, Л.Н. Гумилева и других русских ученых, стоявших у истоков формирования цивилизационной парадигмы, стали достоянием российской политической науки, несмотря на то, что цивилизационный подход в ней не является самым популярным, но этому есть объяснение – российская политическая наука молода, ее связи с русской социально-политической мыслью были прерваны и их восстановление активно происходит в современные дни, но бесследно разрывы, в том числе в научном пространстве, не проходят.

Вкратце, если охарактеризовать становление методологии политической науки в России после ее официальной легализации в 1980-е годы прошлого столетия, то следует выделить несколько этапов. Так, на первом этапе, как пишет В. Мартынов [12], отечественная политология активно заимствовала, порой без критики, зарубежные методологические и теоретические конструкты, которые ей были недоступны; второй этап стал этапом господства транзитологических теорий в мировоззренческих и методологических установках российских политологов и только на третьем этапе происходит критическое переосмысление «идеальных типов» демократии и капитализма и неэффективность прямого переноса западных социальных практик и институтов на российскую институциональную среду, что стало причиной актуализации и артикуляции в методологическом пространстве отечественной политологии цивилизационных концепций, а вместе с ними и откровенно националистических как результат критического отторжения принесшего только разочарование западного опыта демократического строительства и осознания социокультурной самобытности, специфики и цивилизационной уникальности российского общества. И на последнем, третьем в периодизации Мартынова, этапе формируется методология политической науки, связанная с развитием теории глобализации, различных глобалистских концепций и связанных с ними теоретических направлений с целью поиска альтернатив и перспектив России в новом постбиполярном мире.

Очевидно, в отечественной политологии конкурируют две парадигмы: транзитологическая и цивилизационная, а потому имеет смысл кратко осветить транзитологические подходы, чтобы определить точки противостояния и возможные точки комплиментарности. В рамках транзитологии обосновывается точка зрения о неизбежном преобразовании любого недемократического общества в демократическое [13]. Это согласуется с концепцией Ф. Фукуямы о «конце истории» и победе либерализма, у которого достойной альтернативы нет.

Поскольку эпоха всеобщего благоденствия в виде демократического политического устройства ассоциируется с западными странами, исторический процесс также трактуется как дви-

жение по пути западных стран, предлагающих универсальный путь развития человечества как образец политического идеала, к которому следует стремиться.

В рамках транзитологии используются дуальные схемы «государство – гражданское общество», «демократия – тоталитаризм» и другие, в которых уже заложены оценочные императивы, противопоставляющие политические идеалы западного либерализма всем остальным политическим устройствам и режимам. Другими словами, подобная классификация политической реальности на основе выше указанных категорий позволяет транзитологии заранее приписывать определенные свойства и оценки по типу добра и зла. Научный дискурс в транзитологии превращается в идеологический, когда речь заходит об иных политических практиках и институтах, ценностях и отношениях, которые как некое зло противопоставляются одной единственной универсальной и правильной политической практике и реальности прозападного типа, переход к которой возможен в рамках модернизации.

Основной постулат теории модернизации базируется на признании поступательного движения истории, которая движется по пути прогресса от традиционного общества к обществу современному, а ориентиром, образцом и идеалом выступает история европейской модернизации как ориентир цивилизационного прогрессивного развития.

Другой вариант рассмотрения модернизации связан с ее трактовкой как типа социального действия, направленного на создание новых социальных институтов, институциональных отношений и норм, что, в итоге, и приводит, к обновлению общества, формированию его современного облика в ходе трансформации традиционного.

В.Г. Федотова полагает, что процесс модернизации представляет собой процесс создания институтов и отношений, ценностей и норм, требующий предварительного изменения идентичности людей модернизирующегося общества и завершается сменой их идентичностей [14]. Другими словами, в ходе модернизации важная роль принадлежит субъектам модернизации, их самосознанию, самоопределению. В российском варианте модернизация представляет собой тип «догоняющей модернизации», который не раз уже реализовывался в истории России, но результативность данного, современного этапа оказалась ниже нуля.

Насильственность модернизационных преобразований в России, их инициирование «сверху» определяли и определяют результативность модернизации, часто с отрицательным значением и резким неприятием со стороны народа. Неестественность внедряемых в России нововведений, их несоответствие духу народа и его интересам, неподготовленность к российской ментальности предопределяли низкий эффект модернизационных мероприятий и в результате России так и не удавалось догнать Европу, чему не способствовала также бурная во-

енная история российского государства, которую выносил на своих «плечах» русский народ и которая значительно тормозила общественное развитие России.

Запад, как пишут российские исследователи, оказывает двойное воздействие на незападный мир: он предлагает ему свои идеалы и он же может навязывать свои представления как заведомо более высокие [15]. Поскольку религией Запада является свобода, все изменения в западном мире с целью догнать Запад начинаются именно с изменения отношения к этой ценности – свободе, но не везде для этого создается благоприятная почва, а, следовательно, и результат будет неоднозначным: только там он будет положительным, где свобода стала результатом сознательным и выстраданным, в противном случае формируется пространство разрушения и рисков, в целом свидетельствующее о варианте демодернизации, а не модернизации, как явствует из концепции Яницкого [16], который разработал ее в рамках теории транзитологии применительно к российскому обществу, названному им обществом «всеобщего риска» [17].

Яницкий, основываясь на двойственной природе общественного производства, пишет о том, что можно теоретически выделить два качественно различных типа переходного общества: созидательный и разрушительный. При этом важно, что накопление рисков происходит в обществах обоого типа, но отмечается разница в способе производства риска и уровне его разрушительности.

Так, в обществе созидательного типа наращивается творческий потенциал и осуществляет тот самый переход, который можно трактовать как модернизацию, а в обществах разрушительного типа используются иные механизмы, разрушительные, которые могут привести к распаду общества, его исчезновению как исторического субъекта, поскольку модернизация в таких обществах реализуется за счет грабительской по отношению к народу и его интересам политики расхищения природных и национальных богатств, что и приводит к демодернизационному эффекту и ярким тому доказательством является российское общество.

Не только грабительская политика правящей элиты сыграла свою отрицательную роль в процессе модернизации постсоветской России. В качестве другой важной причины справедливо называется слепое, некритическое подражание Западу, в ходе которого никак не учитывались ментальные, социокультурные, исторические особенности России, что и побудило многих из российских исследователей обратиться к проблеме возрождения России на основе культурно-исторических традиций, в том числе в форме империи, так как, по мнению представителей имперского направления, судьба России – это имперская судьба, и другой судьбы у России быть не может [18].

Мы не будем сейчас углубляться в проблему такого характера, поскольку перед нами стоит несколько иная задача, и вернемся к проблеме модернизационного провала постсоветской России, который далеко не случаен и был вполне прогнозируем, поскольку российское общество испытывало в период перехода к демократии посттоталитарный синдром, который и не позволил осуществить переход к демократическому режиму, и до сих пор этот переход достаточно сомнителен, мифичен, что и послужило основой для формирования имитационной концепции, в рамках которой актуализируется проблема имитации провозглашенного демократического режима и демократических институтов в современной России [19].

Наследие истории, а не культура, по мнению Д. Травина, определяют специфику модернизации России, в отношении процесса модернизации сделавший ряд интересных выводов [20]:

- первый: нет неких априорно существующих законов развития общества;
- второй: отсутствие априорно существующих законов развития общества совершенно не означает, что модернизация идет бессистемно, что она может в одних странах происходить, а в других – нет; ход изменений определяется вызовом со стороны очередного лидера, а аутсайдеры при этом вынуждены приспосабливаться к изменившейся и диктуемой лидером ситуации и, соответственно, перенимать у лидеров их достижения и двигаться проложенным ими курсом, при этом частично даже разрушая собственную, веками складывавшуюся, культуру. Это объясняется соблазнительностью плодов модернизации, что и обуславливает ее добровольность, а также стремлением повысить конкурентоспособность страны в борьбе с лидером;
- третье: успех гонки за лидером определяется тем, насколько страна готова к заимствованию «чужих» институтов и ценностей и, соответственно, чем меньше она скована сложившейся традицией, тем больше вероятность эффективного продвижения вперед по пути модернизации, но реформаторы не властны над Традицией, а потому разорвать узы традиции с ее народом им не под силу, т.е. модернизация во многом определяется зависимостью от исторического пути и отсутствие необходимых экономических, социальных и политических ресурсов модернизации становится тормозом на пути модернизации или уводит ее на своеобразный «боковой» путь;
- четвертое: каждый новый виток модернизации в значительной степени определяется успехами предшествующего витка модернизации, что, в общем-то, тоже говорит о зависимости модернизации от выбранного исторического пути.

Идеи Д. Травина не новы и базируются, во многом, на неoinституциональной парадигме исследования цивилизационных трансформаций. В частности, об этом достаточно концептуально пишет в своих работах Д. Норт. Изменение, отмечает он в одной из своих работ, – это процесс во времени, не являющийся мгновенным, что все институциональные предписания отражают наш прошлый опыт, но нет никакой гарантии, что полученный в прошлом опыт и знания позволят решать новые проблемы в изменившейся реальности [21]. Этот феномен зависимости общества от предыдущей траектории развития назван Нортом *path dependence*.

На основе неoinституционализма развивается теория институциональных матриц (К. Поланьи, Д. Норт, С.Г. Кирдина, О.Э. Бессонова [22]), также отталкивающаяся от необходимости и важности цивилизационного фактора в функционировании современного общества, особенно в свете глобальных трансформаций и динамики усложнения социальных систем и динамики межкультурных коммуникаций. Д. Норт указывает, что институциональная матрица как комплекс взаимоувязанных формальных и неформальных правил и ограничений определяет содержание и динамику экономических и политических институтов каждого конкретного общества [23].

С этих же позиций, в принципе, формулируется представление известного в России специалиста по данной проблематике С.Г. Кирдиной, по мнению которой институциональная матрица представляет собой устойчивую, исторически сложившуюся систему базовых институтов, регулирующих экономическую, политическую и идеологическую подсистемы общества» [24]. Институциональные матрицы выступают в двух видах: X и Y-матрицы, которые соответствуют восточному и западному типам цивилизаций и выступают, в своем роде, архетипической пра-формой, предопределяя содержание и характер функционирования институциональной системы социума.

В определенные периоды развития общества, когда остро ощущается потребность в инновациях, институциональные матрицы способны к заимствованию элементов из другой, противоположной институциональной матрицы, адаптируя их к своей институциональной матрице, не меняя ее сущности.

Важно при этом понимать, что для отдельно взятого общества характерна только одна единственная институциональная матрица и для России – это X-матрица восточного типа (она характерна также для большинства стран Азии и Латинской Америки). Большинство же стран Запада относятся к Y-матрице. В основе различий этих институциональных матриц находятся противоположные идеологические воззрения в экономической, политической и частной жизни: матрица Y (западная), к примеру, отличается наличием развитых институтов рынка в эко-

номической сфере, федеративным устройством – в политической сфере, приоритетом индивидуального, личного над коллективным – в идеологической сфере, в то время как X – матрица восточного типа характеризуется нерыночными институтами в сфере экономики, унитарно-централизованными институтами – в сфере политики, господством коллективного начала над личным (соборностью, коммунитарностью) в идеологической сфере общества [25].

Несмотря на вынужденные изменения, происходящие в институциональных матрицах по мере исторического развития общества и внешних вызовов, исходная институциональная природа этих матриц сохраняется, что было также показано в исследовании О.Э. Бессоновой, которая выделила в динамике цивилизационных матриц универсальные этапы смены формационных элементов, таких как: рабская модель трудовых отношений, крепостная модель трудовых отношений, наемная модель трудовых отношений и контрактная (договорная) модель трудовых отношений [26].

Итак, отталкиваясь от теории транзитологии, постулирующей о переходе к современному обществу в варианте западного общества, вытекает вывод о том, что Россия лишена собственной логики исторического и цивилизационного развития и универсальной политической теории для описания тенденций ее политического становления вполне достаточно.

Более того, выходит, что оригинальная российская политология, исходящая из логики отличий, национального как особенного, своего пути, оказывается просто невысказанной [27], однако, транзитологии, которая в российской политологии постепенно утрачивает первенство и методологическое господство, все более успешно начинает противостоять цивилизационная парадигма, в рамках которой отрицается единый, универсальный путь развития всего человечества, несмотря на то, что ценности Просвещения и Модерна могут носить универсальный для всего человечества характер с той разницей, что механизм их реализации в обществах различного типа может быть различным.

Список литературы

1. Бельчук А. Восток-Запад в цивилизационном измерении // Альманах «Форум - 2009»; Цивилизационные и национальные проблемы. – М.: 2009. С. 72.
2. Пантин В.И. Историческая роль России: между Западом и Востоком // История и современность. 2012. № 2. С. 111.

3. Данилевский Н.Я. Россия и Европа: Взгляд на культурные и политические отношения Славянского мира к Германно-Романскому. 6-е изд. – СПб.: Изд-во С.-Петербургского университета, Издательство «Глаголь», 1995.
4. Традиция и русская цивилизация / Д. Володихин, С. Алексеев, К. Бенедиктов, Н. Иртенина. – М.: Астрель: АСТ: Транзиткнига, 2006.
5. Там же. С. 9.
6. Там же. С. 9-10.
7. Там же. С. 12.
8. Хантингтон С. Столкновение цивилизаций. – М., 2003. С. 51.
9. Традиция и русская цивилизация / Д. Володихин, С. Алексеев, К. Бенедиктов, Н. Иртенина. – М.: Астрель: АСТ: Транзиткнига, 2006. С. 24.
10. Там же. 33.
11. Там же. С. 45-46.
12. Мартьянов В. Парадигмы российской политологии. <http://www.lawinrussia.ru/paradigmy-rossiiskoi-politologii>
13. Мартьянов В. Парадигмы российской политологии. <http://www.lawinrussia.ru/paradigmy-rossiiskoi-politologii>
14. Федотова В.Г. Модернизация «другой» Европы. – М., 1997. С. 39, 63.
15. Федотова В.Г., Колпаков В.А., Федотова Н.Н. Глобальный капитализм: три великие трансформации. – М.: Культурная революция, 2008. С. 87.
16. Яницкий О.Н. Россия как общество риска: методология анализа и контуры концепции // Общественные науки и современность. 2004. № 2. С. 5-15.
17. Яницкий О.Н. Россия как «общество риска»: контуры теории // Россия: трансформирующееся общество / Под ред. В.Я. Ядова. – М.: Изд-во «КАНОН-пресс-Ц», 2001. С. 30-31.
18. Империя Россия / Под ред. Ю.М. Осипова, И.Р. Бугаяна, Е.С. Зотовой. – М.: Изд-во МГУ; Ростов н/Д: Изд-во Рост. ун-та; Представительства центра общественных наук, 2005, С. 5.
19. Волков Ю.Г. Социальная имитация в контексте социальных трансформаций. – Ростов н/Д: Изд-во Антей, 2011.
20. Травин Д. Россия в европейском ландшафте: зависимость от исторического пути // Вестник Европы. 2013. № 36. <http://magazines.russ.ru/vestnik/2013/36/t5.html>
21. Норт Д. Вклад неоинституционализма в понимание проблем переходной экономики. <http://www.finansy.ru/publ/north.htm>

22. Polany K. *The Livelihood of Man*. – N.Y., 1977; Норт Д. Институты, институциональные изменения и функционирование экономики. – М., 1997; Кирдина С.Г. Институциональные матрицы: макросоциологическая объяснительная гипотеза // Социологические исследования. 2001. № 2; Бессонова О.Э. Общая теория институциональных трансформаций: парадигмальное переосмысление цивилизационного развития России // Социологические исследования. 2008. № 1.
23. Норт Д. Институты, институциональные изменения и функционирование экономики. – М., 1997. С. 129, 147-148.
24. Кирдина С.Г. Институциональные матрицы: макросоциологическая объяснительная гипотеза // Социологические исследования. 2001. № 2. С. 17.
25. Кирдина С.Г. Кирдина С.Г. Институциональные матрицы: макросоциологическая объяснительная гипотеза // Социологические исследования. 2001. № 2.
26. Бессонова О.Э. Общая теория институциональных трансформаций: парадигмальное переосмысление цивилизационного развития России // Социологические исследования. 2008. № 1.
27. Мартьянов В. Парадигмы российской политологии. <http://www.lawinrussia.ru/paradigmy-rossiiskoi-politologii>

References

1. Bel'chuk A. *Al'manakh «Forum - 2009»; Tsivilizatsionnye i natsional'nye problemy* [Year-book 'Forum – 2009'; Civilizational and National Problems]. – М.: 2009. P. 72.
2. Pantin V.I. *Istoriya i sovremennost'*. 2012. № 2. P. 111.
3. Danilevsky N.Ya. *Rossiya i Evropa: Vzglyad na kul'turnye i politicheskie otnosheniya Slavyanskogo mira k Germano-Romanskomu* [Russia and Europe. Focus on Cultural and Political Attitude of the Slavic World to the Germanic and Romanic World]. – SPb.: Izd-vo S.-Peterburgskogo universiteta, Izdatel'stvo «Glagol», 1995.
4. *Traditsiya i russkaya tsivilizatsiya* [Traditions and the Russian Civilization] / D. Volodikhin, S. Alekseev, K. Benediktov, N. Irtenina. – М.: Astrel': AST: Tranzitkniga, 2006.
5. *Traditsiya i russkaya tsivilizatsiya* [Traditions and the Russian Civilization] / D. Volodikhin, S. Alekseev, K. Benediktov, N. Irtenina. – М.: Astrel': AST: Tranzitkniga, 2006. P. 9.
6. *Traditsiya i russkaya tsivilizatsiya* [Traditions and the Russian Civilization] / D. Volodikhin, S. Alekseev, K. Benediktov, N. Irtenina. – М.: Astrel': AST: Tranzitkniga, 2006. Pp. 9-10.

7. *Traditsiya i russkaya tsivilizatsiya* [Traditions and the Russian Civilization] / D. Volodikhin, S. Alekseev, K. Benediktov, N. Irtenina. – M.: Astrel': AST: Tranzitkniga, 2006. P. 12.
8. Khantington S. *Stolknovenie tsivilizatsiy* [Clash of Civilizations]. – M., 2003. P. 51.
9. *Traditsiya i russkaya tsivilizatsiya* [Tradition and the Russian Civilization] / D. Volodikhin, S. Alekseev, K. Benediktov, N. Irtenina. – M.: Astrel': AST: Tranzitkniga, 2006. P. 24.
10. *Traditsiya i russkaya tsivilizatsiya* [Tradition and the Russian Civilization] / D. Volodikhin, S. Alekseev, K. Benediktov, N. Irtenina. – M.: Astrel': AST: Tranzitkniga, 2006. P. 33.
11. *Traditsiya i russkaya tsivilizatsiya* [Tradition and the Russian Civilization] / D. Volodikhin, S. Alekseev, K. Benediktov, N. Irtenina. – M.: Astrel': AST: Tranzitkniga, 2006. Pp. 45-46.
12. Mart'yanov V. *Paradigmy rossiyskoy politologii* [Paradigms of the Russian Political Science]. <http://www.lawinrussia.ru/paradigmy-rossiiskoi-politologii>
13. Mart'yanov V. *Paradigmy rossiyskoy politologii* [Paradigms of the Russian Political Science].
14. Fedotova V.G. *Modernizatsiya «drugoy» Evropy* [Modernization of a 'Different' Europe]. – M., 1997. Pp. 39, 63.
15. Fedotova V.G., Kolpakov V.A., Fedotova N.N. *Global'nyy kapitalizm: tri velikie transformatsii* [Global Capitalism: Three Grand Transformations]. – M.: Kul'turnaya revolyutsiya, 2008. P. 87.
16. Yanitskiy O.N. *Obshchestvennye nauki i sovremennost'*. 2004. № 2. Pp. 5-15.
17. Yanitskiy O.N. *Rossiya: transformiruyushcheesya obshchestvo* [Russia: Society under Transformation] / Pod red. V.Ya. Yadova. – M.: Izd-vo «KANON-press-Ts», 2001. Pp. 30-31.
18. *Imperiya Rossiya* [Empire Russia] / Pod red. Yu.M. Osipova, I.R. Bugayana, E.S. Zotovoy. – M.: Izd-vo MGU; Rostov n/D: Izd-vo Rost. un-ta; Predstavitel'stva tsentra obshchestvennykh nauk, 2005. P. 5.
19. Volkov Yu.G. *Sotsial'naya imitatsiya v kontekste sotsial'nykh transformatsiy* [Social Simulation in the Context of Social Transformation]. – Rostov n/D: Izd-vo Antey, 2011.
20. Travin D. *Vestnik Evropy*. 2013. № 36. <http://magazines.russ.ru/vestnik/2013/36/t5.html>
21. Nort D. *Vklad neoinstitutsionalizma v ponimanie problem perekhodnoy ekonomiki* [Contribution of Neoinstitutionalism to the Understanding of Transition Economy]. <http://www.finansy.ru/publ/north.htm>
22. Polany K. *The Livelihood of Man*. N.Y., 1977; Nort D. *Instituty, institutsional'nye izmeneniya i funktsionirovanie ekonomiki* [Institutions, Institutional Changes and the Functioning of the Economy]. M., 1997; Kirdina S.G. *Sotsiologicheskie issledovaniya*. 2001. №2; Bessonova O.E. *Sotsiologicheskie issledovaniya*. 2008. № 1.

23. Nort D. *Instituty, institutsional'nye izmeneniya i funkcionirovanie ekonomiki* [Institutions, Institutional Changes and the Functioning of the Economy]. – М., 1997. Pp. 129, 147-148.
24. Kirdina S.G. *Sotsiologicheskie issledovaniya*. 2001. № 2. P. 17.
25. Sm: Kirdina S.G. Kirdina S.G. *Sotsiologicheskie issledovaniya*. 2001. № 2.
26. Bessonova O.E. *Sotsiologicheskie issledovaniya*. 2008. № 1.
27. Mart'yanov V. *Paradigmy rossiyskoy politologii* [Paradigms of Russian Political Science]. <http://www.lawinrussia.ru/paradigmy-rossiiskoi-politologii>

ДАнные ОБ АВТОРЕ

Жуковский Денис Александрович, кандидат политических наук
Донской государственный технический университет
пл. Гагарина, 1, г. Ростов-на-Дону, Ростовская обл., 344010, Россия
zhykovskij@mail.ru

DATA ABOUT THE AUTHOR

Zhukovsky Denis Aleksandrovich, PhD in Political Science
Don State Technical University
Sq. Gagarin, 1, Rostov-on-Don, Rostov region, 344010, Russia
zhykovskij@mail.ru